

Политика

Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация*

© 2012

В. Портяков

Рассмотрены история и обстоятельства выдвижения Дэн Сяопином в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ряда рекомендаций о внешней политике Китая. Исследовано изучение в КНР заветов Дэн Сяопина в качестве долгосрочного стратегического курса страны на международной арене. Показаны особенности интерпретации этих заветов в США. Проанализирована современная дискуссия в Китае о необходимости продолжать и далее следовать формуле «держаться в тени и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуэй, юсо цзовэй»), или же отказаться от нее как устаревшей.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, внешнеполитические заветы, Китай, «держаться в тени», «делать что-то реальное», интерпретация в США, современные дискуссии

I

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, начавший практическую передачу властных полномочий следующему поколению лидеров КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином, высказал ряд рекомендаций по позиционированию Пекина на международной арене в весьма сложной обстановке тех лет. Она характеризовалась стремительным демонтажем социализма в Восточной Европе, политическим и экономическим кризисом в СССР, приведшим к дезинтеграции Советского Союза, а вслед за этим — и к прекращению существования биполярной системы международных отношений. Сама КНР после силового вытеснения демонстрантов с площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. стала объектом серьезного политического давления и прямых санкций со стороны ведущих государств Запада.

Отдельные высказывания Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в со-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 129-08-66, E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

* Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 12-03-00376.

стоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»¹. На практике более распространенными оказались сокращенные варианты данной формулы из 24 и 20 иероглифов, а наибольшую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрело выражение «*таогуан янхуэй, юсо цзовэй*» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное». Отчасти из-за наиболее распространенного варианта перевода на английский язык выражения «*таогуан янхуэй*» как «*keeping a low profile*», в российской политологии охарактеризованный им принцип позиционирования Китая на международной арене стал нередко описываться упрощенной, но по-своему точной формулировкой «не высовываться».

Рекомендации Дэн Сяопина сыграли свою роль в улучшении международной обстановки вокруг КНР, помогли ей избежать участи Восточной Европы и СССР и противостоять давлению и санкциям Запада. Как констатировал новый лидер страны Цзян Цзэминь, «практика показала, что это правильный курс». В контексте закрепления на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) теории Дэн Сяопина в качестве важной составной части идейно-политической основы деятельности правящей компартии Китая высказывания Дэна на рубеже 1980-х — 1990-х гг. по проблемам внешней политики страны стали трактоваться в КНР как «стратегический курс, важная политическая установка, базирующаяся на долговременных коренных интересах китайского народа и крупных подвижках в международной обстановке и в соотношении сил в мире». При этом Китаю предписывалось «продолжать неуклонно следовать этим стратегическим курсом» и в условиях непрерывного повышения его комплексной мощи и международного статуса².

Начавшаяся в конце 1990-х гг. активная пропаганда внешнеполитических заветов Дэн Сяопина сделала их более известными как в самом Китае, так и за рубежом.

С выдвиганием в 2003–2004 гг. концепции «мирного возвышения Китая» молчаливо-настороженное отношение Запада к формуле Дэна как квинтэссенции внешнеполитической стратегии КНР сменилось, прежде всего в США, на негативное. Максима «*таогуан янхуэй, юсо цзовэй*» стала нередко интерпретироваться как «стратегия обмана», включающая такие компоненты, как «сокрытие истинных возможностей», «выигрыш времени» и «выжидание благоприятного момента для удара по противнику». Хотя в возникшем «первом туре» полемики вокруг внешнеполитических заветов Дэн Сяопина (примерно 2002–2006 гг.) китайские политологи уделили основное внимание критике неверного, по их мнению, понимания на Западе их существа, однако уже тогда были высказаны первые сомнения в эффективности рецептов Дэна в меняющейся международной ситуации.

Новый всплеск полемики в Китае о степени актуальности внешнеполитических заветов Дэн Сяопина произошел в 2009–2011 гг. на фоне существенного усиления экономической мощи КНР, повышения ее роли в мировой экономике и параллельной активизации внешней политики страны. Похоже, китайским политологам-международникам удалось сообща доказать, что формула Дэна не устарела и сохраняет стратегическое значение для внешней политики КНР на обозримую перспективу. Вместе с тем, выявившиеся в ходе обсуждения весьма существенные нюансы в позициях и оценках различных ученых, да и сама внешнеполитическая практика Китая последних лет свидетельствуют, что вопросы о степени неформальной применимости формулы Дэн Сяопина к сегодняшнему внешнеполитическому курсу Пекина и о возможности «удержать» реальную внешнюю политику страны в своего рода «прокрустовом ложе» заветов Дэна остаются открытыми.

Рассмотрим затронутые выше сюжеты и проблемы более детально.

II

Первые внешнеполитические заветы своим преемникам Дэн Сяопин сформулировал в беседе «с несколькими ответственными товарищами из ЦК КПК» 4 сентября 1989 г. при обсуждении вопроса о времени и форме своего окончательного отхода от непосредственного политического руководства партией и страной. Занявший по рекомендации Дэн Сяопина в июне 1989 г. пост генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминь и его коллеги приняли бразды правления в тяжелой ситуации. Президент США Дж. Буш-старший ввел санкции против Пекина уже 5 июня 1989 г. — на следующий день после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. Было заявлено о прекращении американской стороной контактов с официальными лицами КНР, запрете на поставки оружия и отказе от предоставления кредитов. 6 июня консультации с Китаем прервало Европейское экономическое сообщество. 16 июля действия Пекина на площади Тяньаньмэнь осудила «семерка», а к санкциям против КНР присоединилось большинство западных стран³. Непростая обстановка сложилась и в самом Китае, где под вопросом оказалась дальнейшая судьба экономических реформ.

Дэн Сяопин постарался развеять вполне возможный в этих условиях пессимизм, заявив о хороших перспективах Китая в случае, если ему удастся стабилизировать политику реформ и открытости. В международных делах, констатировал Дэн, Китаю самому необходимо «укреплять расшатанные позиции» (*«вэньчжун чэньчэю»*), в противном случае «другие нанесут нам удар». Для этого надлежит сохранять бдительность, не расслабляться, придерживаться независимости и самостоятельности, не демонстрировать слабости и не испытывать каких-то чрезмерных опасений. Мировой войны не будет, «а если кто-то и осмелится нанести удар по Китаю, то ничего не добьется — у нас богатый опыт противодействия внешним врагам, разобьем агрессора и вернемся к строительству»⁴.

Касаясь сложных политических процессов в странах Восточной Европы и СССР в тот период, Дэн охарактеризовал их как беспорядки, подчеркнув одновременно, что их размах и конечный итог прогнозировать преждевременно — пока еще следует «очень хладнокровно наблюдать» (*«лэньцзин дэ гуаньча»*) за развитием событий. Главный вывод — не допустить беспорядков в самом Китае, для чего необходимо как следует делать собственные дела. Хорошая основа для этого есть⁵.

В заключение беседы с «группой товарищей» (в составе которой были, как следует из контекста, все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) Дэн Сяопин обобщил должный подход Китая к международной ситуации в трех фразах — «хладнокровно наблюдать», «укреплять расшатанные позиции», «проявляя выдержку, справляться с трудностями» (*«чэньчжун инфу»*) — и напоследок призвал не торопиться, действовать хладнокровно, делать как следует собственные дела⁶.

3 марта 1990 г. другой беседе с руководителями партии и страны Дэн Сяопин отметил, что прежняя мировая архитектура «сейчас рушится, но процесс этот... не подошел к концу, новая архитектура пока не сложилась». На смену американско-советской монополии приходит мир, в котором будет несколько полюсов. «Одним из полюсов можно считать и Китай. Китай не должен себя недооценивать»⁷.

В следующей подобной беседе 24 декабря 1990 г. Дэн Сяопин считал необходимым отреагировать на выражавшиеся рядом государств «третьего мира» пожелания, чтобы функцию мирового лидера в условиях нарастания хаотичности и ослабления позиций СССР и США в мире взял на себя Китай. Мы, сказал он, «ни в коем случае не должны этого делать. Это основа нашей государственной политики. Лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу. Китай никогда не будет претендовать на гегемонию и никогда не будет лезть вперед, на первое место» (*«юнюань бу дантоу»*).

В то же время, отметил Дэн, «международные проблемы нельзя пускать на самотек. Кое-что необходимо делать» (*юсо цзовэй*). Конкретно Дэн Сяопин предложил «активно способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка» и развивать на базе пяти принципов мирного сосуществования отношения со всеми государствами⁸.

5 октября 1991 г. в беседе с Ким Ир Сеном Дэн Сяопин высказал предположение, что на формирование общей структуры мировой архитектоники понадобится порядка десяти лет. В этот период Китаю «следует главным образом наблюдать, поменьше выставлять напоказ свои таланты, проявляя выдержку, справляться с трудностями». В последующем употребленное Дэн Сяопином выражение *«шаолу фэнман»* — «поменьше обнажать острие», не выставлять напоказ свои способности и таланты, не выпячиваться и т.п. — было заменено близким по смыслу, но более многоплановым чэньюем (идиоматическим выражением) *«таогуан янхуэй»* — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»⁹. Так сформировалась базовая формула завета Дэн Сяопина из 20 иероглифов — *«лэнцзин гуаньча, взньчжу чэньцзяо, чэньчжо инфу, таогуан янхуй, юсо цзовэй»* — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

В публикациях в КНР на общественно-политические темы данная формула нередко расширяется до 24 иероглифов с добавлением выражения *«цзюе бу дантоу»* — «ни в коем случае не лезть вперед, на первое место»¹⁰. В то же время, полная формулировка заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов употребляется нечасто, практически только в специальной литературе. Возможно, это отчасти связано с нежеланием лишний раз упоминать о вероятной «неуклюжести собственных взглядов». Генезис выражения *«шаньюй шоучжо»* — «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды» и конкретные обстоятельства введения его в оборот Дэн Сяопином остаются несными, а само оно практически никак не комментируется китайскими политологами в отличие от всех остальных компонентов внешнеполитических заветов Дэна. О недостаточной широкой популярности данного выражения свидетельствуют и случаи замены одного из входящих в его состав иероглифов другим — *«шаньюй цанчжо»* — «уметь скрывать свои слабые стороны»¹¹. Впрочем, периодически встречается и замена в выражении *«чэньчжо инфу»* — «проявляя выдержку, справляться с трудностями» — иероглифа *«фу»* сходным по написанию и близким в данном случае по смыслу иероглифом *«дуй»* (*инфу — индуй*).

В любом случае, однако, особую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрела редуцированная формула заветов Дэн Сяопина — *«таогуан янхуэй, юсо цзовэй»*, то есть «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

III

Изначально рекомендации Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были адресованы узкому кругу лиц, входивших в высший эшелон партийно-государственного руководства КНР. По свидетельству директора Школы международных отношений Пекинского университета, ведущего китайского американиста Ван Цзисы, они были обнародованы в печати и стали известны всему миру примерно в 1996 г.¹² Систематизированное изучение и широкая пропаганда данных заветов Дэна начались после XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), вслед за уставным закреплением «теории Дэн Сяопина» в качестве одного из основных компонентов идейно-политической платформы деятельности правящей компартии Китая.

В монографии Се Исяня «История дипломатической мысли современного Китая», изданной в 1999 г. в Кайфэне, принципы «хладнокровного наблюдения» и «проявления выдержки в процессе преодоления трудностей» были охарактеризованы как «методология решения крупных проблем, которую необходимо сохранить и в будущем»¹³.

В 2003 г. внешнеполитические заветы Дэн Сяопина были впервые подвергнуты достаточно детальному политологическому анализу в работах Лян Шоудэ. В монографии «Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая», где Лян выступил в качестве ответственного редактора, максима «держаться в тени, и при этом делать что-то реальное» была охарактеризована как «сердцевина» заветов Дэна и «идеологическая основа большой стратегии Китая». Столь высокая оценка принципа «*таогуан янхуэй*» объясняется тем, что он, по мнению Лян Шоудэ, «вышел за рамки идеологических догм и сделал государственные интересы исходным и конечным пунктом ведения Китаем международных дел и определения его внешнеполитического курса». Вполне логично, что в этом контексте принцип «держаться в тени» квалифицировался не как временная мера, а как «долгосрочная руководящая стратегия, имеющая относительную стабильность»¹⁴.

В монографии «Теория международной политики Дэн Сяопина», написанной в соавторстве с Лю Вэньсяном, Лян Шоудэ дал такую афористичную характеристику внешнеполитической практики КНР, базирующейся на заветах Дэн Сяопина: «не создавать врагов, не вступать в союзы, не претендовать на гегемонию, не стремиться в лидеры»¹⁵. Более развернутую интерпретацию получил принцип «делать что-то реальное»: как один из полюсов многополярного мира и крупная мировая держава, Китай... должен сделать свой голос в международных делах более звучным, не перекладывать целиком на других исполнение важной роли в делах Восточной Азии и мире в целом. При определенных условиях он может побороться за ведущую роль на некоторых направлениях, особенно в делах Восточной Азии»¹⁶.

Весьма примечательным, на наш взгляд, стало содержащееся в работе Ляна и Лю признание за принципом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» функции накопления сил в ожидании подходящего момента для осуществления задуманного и достижения победы¹⁷.

Наиболее детальный анализ заветов Дэн Сяопина был дан в 12-м томе «Истории международных отношений» (1990—1999) под редакцией Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи, изданном в 2006 г. Раздел о них открывал первый параграф «Новое развитие стратегического мышления китайской дипломатии» главы «Многосторонняя многовекторная дипломатия Китая», написанной одним из главных редакторов тома Фан Ляньцином. В работе была приведена развернутая, с новыми нюансами характеристика той международной обстановки, в которой сформировался курс «28 иероглифов». В частности, отмечены перемены в Восточной Европе, распад СССР, объединение двух германских государств, роспуск Организации Варшавского договора, завершение «холодной войны», превращение США в единственную сверхдержаву, стремление западных держав добиться «мирного перерождения» Китая. Признавалось, что дело социализма в КНР, ее государственный суверенитет и национальная безопасность столкнулись с серьезным вызовом. В данном контексте Фан Ляньцин дал высокую оценку прозорливости Дэн Сяопина и научной глубине его воззрений, которые в виде формулы из 28 иероглифов указали «маршрут внешней политики Китая».

С примерами из третьего тома «Избранного» Дэн Сяопина было рассмотрено существо основных компонентов заветов (за исключением выражения «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды»). Было особо подчеркнуто, что принцип «делать что-то реальное» подразумевает не только сосредоточение усилий на надлежащем осуществлении модернизации страны, но и активное содействие обеспечению глобального мира, стабильности и развития, внесение «еще большего вклада в дела человечества».

Обосновывая стратегический долговременный характер заветов Дэн Сяопина как руководящего курса внешней политики КНР, авторы «Истории международных отношений» апеллировали прежде всего к тому обстоятельству, что «в соотношении международных сил, характеризующемся силой Севера и слабостью Юга, в течение сравнительно длительного времени не может произойти коренных изменений»¹⁸.

Разъяснение смысла заветов Дэн Сяопина было продолжено и в дальнейшем. В изданной в 2009 г. Народным университетом Китая монографии «Дипломатия Китая и международная стратегия развития» под редакцией Ху Шусяня была особо подчеркнута неразрывная органическая связь двух аспектов формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». Кроме того, значительное внимание было уделено разъяснению различных аспектов выражения «*таогуан янхуэй*». Отмечалось, что генетически оно восходит к традиционной культуре Китая, однако Дэн Сяопин придал ему «новое богатое и глубокое научное содержание и новую форму выражения». «Держаться в тени» не означает беспринципных уступок и капитулянтства, такое позиционирование прямо связано с общей линией на независимость и самостоятельность в международных делах. Следование данным курсом, предполагающим отказ от чрезмерного акцента на конфронтацию и поиск разумных компромиссов, помогло Китаю выстроить нормальные отношения с крупными державами, улучшить взаимоотношения с соседями, нарастить свой вес и активность в региональных делах¹⁹.

В посвященной заветам Дэн Сяопина статье сотрудника Восточно-Китайского педагогического университета Хуан Чжэнбая в юбилейном сборнике, приуроченном к 60-летию дипломатии КНР, центральным стал мотив диалектического единства принципов «держаться в тени и при этом делать что-то реальное». Стержневая идея данной формулы, по мнению автора, состоит в правильном выстраивании взаимоотношений между имеющимися у страны возможностями и ее внешней политикой: «нельзя, подобно сверхдержавам, вмешиваться во все мировые дела и истощать собственные силы»; «многочисленные факты свидетельствуют, что возвышение какой-либо страны и выстраивание ее международного статуса являются результатом длительного накопления комплексной мощи, ... и даже при возросших возможностях страна по-прежнему должна решать проблему, как действовать соразмерно имеющимся силам, что стоит делать, а что нет»²⁰.

Наконец, заслуживает упоминания учебник профессора Фуданьского университета Янь Шэнъи «Современная дипломатия Китая», где заветы Дэн Сяопина были рассмотрены не изолированно, а в качестве одного из элементов его общего подхода к современным международным отношениям, целям, приоритетам и принципам внешней политики КНР²¹.

IV

На Западе внешнеполитические заветы Дэн Сяопина стали широко известны в начале XXI в., вслед за их активной популяризацией в КНР. По времени это ознакомление совпало с явно насторожившим многих в мире выдвижением концепции «мирного возвышения» Китая, последовавшим за постановкой на XVI съезде КПК задачи увеличения за двадцать лет валового внутреннего продукта страны в четыре раза. Появились, прежде всего в США, попытки использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна и особенно его формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя» для обоснования различных модификаций «теории китайской угрозы». Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды.

С наибольшей прямоотой и последовательностью эта линия проводилась в серии ежегодных (с 2002 г.) докладов Конгрессу США «О военной мощи Китайской Народной Республики», готовившихся под эгидой канцелярии секретаря по делам обороны.

В докладе за 2004 г. была приведена традиционная формула заветов Дэн Сяопина из 24 иероглифов, при этом выражение «*таогуан янхуэй*» было переведено как «hide our capabilities and bide our time», то есть «скрывать свои возможности и выигрывать время». Формула была охарактеризована как «одна из ключевых директив Дэна по вопросам обеспечения безопасности и развития Китая», подтверждающая долгосрочную стратегию наращивания его комплексной мощи при краткосрочном приглушении амбиций²².

В докладах за 2005 и 2006 гг. со ссылкой на публикацию в гонконгском журнале «Цзинбао» («Зеркало») от 25 ноября 1991 г. была приведена видоизмененная формулировка заветов Дэн Сяопина: второй элемент традиционной формулы — «*вэньчжун чэньцзяо*» — был заменен на выражение «*чжэньвэнь цзяогэнь*» («твердо стоять на ногах»), а за «*таогуан янхуэй*» следовало выражение «*шаньюй шюучжо*», которое и переводилось как «be good at maintaining a low profile» — «уметь держаться в тени». В обоих докладах стратегии Дэн Сяопина из 24 иероглифов были посвящены специальные врезки²³.

В Китае выразили недовольство переводом чэньюя «*таогуан янхуэй*» как «скрывать свои возможности и выигрывать время» и интерпретацией военными кругами США заветов Дэн Сяопина в целом, особенно в связи с их потенциальным влиянием на общественное мнение не только в США, но и во всем международном сообществе. Директор Института исследований Ближнего Востока Шанхайского университета международных исследований Чжу Вэйле привел пример с книгой о внешней политике Китая, опубликованной в 2005 г. бывшим послом Сирии в КНР, где «*таогуан янхуэй*» было переведено как «выжидать и воздерживаться до появления подходящего момента для контратаки». Практически, подчеркнул Чжу Вэйле, весь внешний мир подпал под влияние США, что привело почти к всеобщей интерпретации формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» как «выигрыш времени для контратаки» с конечной целью ослабить позиции США²⁴.

«Масла в огонь» подлили некоторые китайские политологи, предложившие во избежание недопонимания отказаться в дальнейшем от использования формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», поскольку, по их мнению, у большинства китайцев она вызывает устойчивую ассоциацию с историческим персонажем эпохи «Весны и Осени» (770—476 гг. до н.э.) Гоу Цзянем. Чтобы не дать ослабнуть чувству мести, захваченный в плен Гоу Цзянь «спал на хворосте и питался желчью», то есть сознательно поставил себя в суровые условия. Его имя в Китае стало синонимом долготерпения ради будущего отмщения обидчикам²⁵.

Приверженцам заветов Дэн Сяопина пришлось приложить серьезные усилия, чтобы доказать их позитивную сущность как самих по себе, так и в качестве некоего символического послания, адресованного Китаем миру.

Бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК, известный военный политолог Сюн Гуанкай привлек внимание к неточности перевода выражения «*таогуан янхуэй*» на английский язык, что зачастую сознательно использовалось в попытках дискредитации Китая и распространения домыслов о «китайской угрозе». По его словам, в 2006 г. у него была возможность лично обратиться к бывшим госсекретарям США Дж. Шульца и Г. Киссинджеру на повторение из года в год в американских докладах о военной мощи КНР неверной трактовки данной формулы. При этом Сюн Гуанкай посветовал, что неточный перевод дается не только в иностранных справочниках, но и в словарях, изданных в Китае²⁶.

Действительно, активно использовавшийся в течение многих лет иностранцами китайско-английский словарь, подготовленный факультетом английского языка Пекинского института иностранных языков, переводит выражение «*таогуан янхуэй*» как «hide one's capacities and bide one's time», то есть «скрывать чьи-либо возможности и выигрывать время»²⁷.

По мнению Сюна, более верную интерпретацию данного выражения дал изданный в сентябре 2009 г. в Шанхае «Полный словарь китайского языка» (6-е издание), где нашла отражение «душа» формулы «*таогуан янхуэй*», а именно: «не выставлять свои способности на всеобщее обозрение». Здесь нет и намек на «сокрытие намерений» и «выигрыш времени для последующей контратаки». Не вполне точным считает Сюн и часто встречающийся перевод «*таогуан янхуэй*» как «keep a low profile». Этот вариант перевода не отражает всей глубины китайского выражения. Как полагает Сюн, поиск адекватного варианта перевода на английский язык обсуждаемой формулы имеет «жизненно важное значение» для проецирования благоприятного образа Китая в мире²⁸.

Дополнительным аргументом в поддержку позиции Сюн Гуанкая можно считать следующее обстоятельство: когда в КНР действительно вели разговор о мести, там использовали другие выражения, нежели «*таогуан янхуэй*». По свидетельству польского китаевода Д. Мереевского, изучающего особенности и эволюцию внешнеполитической риторики Пекина, в выступлении Цзян Цзэминя в мае 1999 г., после попадания американской бомбы на территорию посольства КНР в Белграде, было употреблено выражение «*восинь чандань*» — «преодолеть все трудности, готовясь к мщению», «с упорством готовиться к мщению»²⁹.

Большое внимание было уделено также показу цивилизационного контекста и подбору исторических примеров, призванных адекватно раскрыть подлинную суть выражения «*таогуан янхуэй*». И Сюн Гуанкай, и Чжу Вэйле указали на несостоятельность проведения параллелей между курсом Китая «не выделяться, держаться в тени» и поведением Гоу Цзяня — они совершенно различны по целям и методам. «Гоу Цзянь в своем стремлении отомстить делал ставку на войну, он жаждал гегемонии, тогда как Китай следует стратегии «не проявлять себя, держаться в тени» в целях продвижения дела мира и развития, налаживания взаимосвязей и сотрудничества, обеспечения общего выигрыша, достижения гармонии на региональном и глобальном уровнях»³⁰.

Истоки поведенческой модели, базирующейся на принципе «держаться в тени», были найдены в описаниях периода Южных и Северных династий (420–589 гг.) действий мудрецов, оставлявших общественную жизнь и уединявшихся для углубленных размышлений³¹. Применение же самого выражения в качестве идиомы — «чэньюя» было датировано концом XIX в. и связано с именем Чжэн Гуанина — видного предпринимателя и общественного деятеля, заметной фигуры «ста дней реформ». Хотя он занимал ряд важных постов и активно защищал экономические интересы Китая, выступая против иностранного засилья, в обществе и на людях Чжэн держался весьма скромно, не выпячивал свои заслуги, подчеркивая, что «озабочен своей старостью, слабыми способностями и поверхностным знанием «И цзина» (Книги перемен)»³².

Глава Китайской ассоциации народной дипломатии Ян Вэньчан полагает, что скромная, осмотрительная, благоразумная манера поведения соответствует традиционным ключевым ценностям китайцев. Такая модель поведения способствует хладнокровному наблюдению, глубоким размышлениям, учету ситуации в целом. Принцип «держаться в тени» пригоден как для трудных времен, так и для периода успехов. Он является важной предпосылкой для реализации рекомендации «делать что-то реальное». Именно последовательное долговременное соблюдение данного принципа позволит сделать действия Китая на международной арене максимально точными³³.

В свою очередь, Чжу Вэйле считает, что стратегия «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» может рассматриваться как вклад китайской культуры в «философию среднего курса». По его мнению, переход от «молчаливой реализации» данного курса к его широкому публичному разъяснению необходим для того, чтобы развеять беспочвенные подозрения в США и Европе, а в дальнейшем превратить этот завет Дэн Сяопина в еще один общественный продукт, который Китай предлагает международному сообществу³⁴.

V

Выдвижение и активная пропаганда в КНР в конце 2003 — начале 2004 гг. концепции «мирного возвышения» страны (вскоре сам этот термин был заменен на понятие «мирное развитие») дало толчок дискуссии в китайском экспертном политологическом сообществе о применимости внешнеполитических заветов Дэна Сяопина в существенно изменившейся внутренней и международной обстановке.

По свидетельству Бонни Глэйзер и Эвана Медейроса, в Китае наблюдались отдельные выступления экспертов против концепции «мирного возвышения» на том основании, что она противоречит принципу «держаться в тени», составляющему сердцевину заветов Дэна. Китай, декларировали они, должен быть более скромным³⁵.

Однако гораздо чаще раздавались голоса в пользу смещения акцента с принципа «держаться в тени» на вторую часть выражения, а именно: «делать что-то реальное». При этом использовалась аргументация двоякого рода. Во-первых, утверждалось, что политика «*таогуан янхуэй*» не дает желаемого результата. «Стратегия США по сдерживанию Китая представляет собой объективную и неизбежную реальность. Дерево хочет покоя, но ветер продолжает дуть. Следовать дальше курсом «ничем не проявлять себя» означает на деле уподобиться страусу, прячущему голову в песок в случае опасности»³⁶. Во-вторых, констатировалось то обстоятельство, что в условиях подъема Китая и расширения сферы его национальных интересов весьма трудно объяснить сохранение приверженности Пекина принципу «держаться в тени». Более того, настойчивое подчеркивание такой приверженности на деле вызывает повышенную подозрительность, препятствует созданию миролюбивого образа Китая в мире и провоцирует появление различных версий теории «китайской угрозы»³⁷.

В связи с этим декларировалась необходимость для КНР занять активную позицию по крупным международным проблемам, не бояться брать контроль над ситуацией в свои руки, то есть, образно говоря, «перейти от стратегии спортсмена-серфингиста, приспособляющегося к волнам, к стратегии «создателя волн», к сознательному формированию благоприятной международной среды для мирного подъема страны»³⁸.

В 2009–2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса, относительно благополучно пережитого Китаем, в стране усилилось убеждение, что в расстановке сил в мире происходят серьезные изменения. Многие китайцы, включая официальных лиц, уверовали, что КНР «поднялась до уровня первоклассной мировой державы и должна восприниматься в этом качестве». Напротив, США в долгосрочном плане стали рассматриваться как «слабеющая держава». Соответственно, подвижки в балансе сил между Китаем и США расценивались как часть формирующейся новой структуры современного мироустройства³⁹.

Не заставила себя ждать и более жесткая, чем прежде, защита Китаем своих интересов, особенно в прилегающих к стране морских акваториях и в Азии в целом.

С другой стороны, в подобных действиях Китая США усмотрели свидетельство его «более гегемонистского подхода к региону»⁴⁰, то есть, попросту говоря, желание усилить свои позиции в нем, в том числе и за счет Вашингтона. В Пекине же стали раздаваться призывы поубедительнее продемонстрировать свою способность «делать что-то реальное», в частности, «набраться мужества и решимости» наказать американцев «за продажи оружия Тайваню и военную деятельность в прилегающих к КНР районах, к которым Пекин ранее относился более-менее толерантно» (скорее вынужден был терпеть)⁴¹.

Стремясь остудить «головокружение от успехов», чреватое серьезной негативной реакцией значительной части международного сообщества, на 11-м совещании по слов КНР за рубежом в июле 2009 г. Ху Цзиньтао потребовал от дипломатов продолжать

придерживаться курса «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»⁴².

Наказ лидера КНР наложил отпечаток на дискуссию об актуальности для современного Китая принципа «держаться в тени». В печати признавалось, что часть населения и экспертного сообщества страны считает его «устаревшим», однако прямого доступа к ведущим СМИ сторонники этой точки зрения в последние годы почти не получали⁴³. Напротив, разъяснения необходимости для Китая сохранять приверженность данному курсу усилились.

Среди аргументов наиболее часто фигурировал призыв к объективной оценке реальной мощи Китая и его международного статуса, что было призвано пресечь распространение в обществе необоснованного чрезмерного оптимизма и показать необходимость для страны не зазнаваться, оставаться скромной и благоразумной — а именно в этом как раз и заключается один из глубинных смыслов формулы «*таогуан янхуэй*».

Так, в комментариях ведущего китайского политического еженедельника «Ляован» к теоретическим новациям Ху Цзиньтао по международным вопросам (концепция «гармоничного мира» и т.д.) было особо подчеркнуто, что «ситуация лидерства развитых стран по комплексной мощи и конкурентоспособности в ключевых сферах не изменилась» и что, несмотря на необратимость тенденции становления многополярного мира, «в соотношении международных сил базовым остается положение, характеризующееся силой Севера и слабостью Юга, силою Запада и слабостью Востока»⁴⁴.

Ван Цзисы, констатируя несомненный выход Китая по мощи на первое место в Азии, одновременно подчеркнул, что он, тем не менее, не может говорить от лица региона, как это делают Германия или Бразилия, что у КНР нет союзнических отношений с соседними странами, тогда как в регионе есть союзы, направленные против Пекина. Ван призвал также не сбрасывать со счетов Японию, которая по «мягкой силе», культурному влиянию и национальному духу не уступает Китаю, плюс имеет союз с США. Не надо, по его мнению, пренебрежительно относиться и к Европе — по комплексной мощи и глобальному политическому влиянию Китай уступает ей⁴⁵.

Бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, охарактеризовав формулу «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» как «важное наследие, оставленное Дэн Сяопином в сфере дипломатии», подчеркнул ее сохраняющуюся актуальность по меньшей мере в двух аспектах. Это, во-первых, реалистический подход к делу, прагматизм, состоящий в том, чтобы решать в данный момент «именно сегодняшние вопросы, а не завтрашние и послезавтрашние». Во-вторых, гибкость, имманентно присущая курсу «*таогуан янхуэй*» и особенно подходящая для решения спорных проблем: «если твои аргументы не принимают, не надо слишком торопиться, нужно показать свою правоту и выгоды своей позиции для противника»⁴⁶.

Вместе с тем, дискуссия последних лет показала, что многие сторонники сохранения официальной приверженности КНР внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х гг. осознают наличие определенного разрыва между рекомендациями двадцатилетней давности и современным позиционированием страны на международной арене. Поэтому, например, заместитель директора Китайской академии современных международных отношений Ван Цуньбин предложил придерживаться курса «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» (который, по его мнению, изначально «обладал качеством экстренной политической тактики») не буквально, а творчески, включая его в общую стратегию мирного развития Китая и строительства гармоничного мира и используя для защиты национальных интересов с позиций рационального прагматизма⁴⁷.

Ван Цзисы полагает, что огромная часть внешнеполитической деятельности Китая сегодня не относится к сфере действия принципа «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Это связано с двумя моментами. Во-первых, принцип «*таогуан*

янхуэй» описывает лишь манеру поведения, но не стратегические цели страны и средства их достижения. Во-вторых, сегодняшние вызовы для КНР исходят не только от главных соперников и конкурентов из числа развитых и развивающихся государств, но и от международных организаций, общественных движений и функциональных проблем глобального характера, таких, как ухудшение окружающей среды. Поэтому, считает Ван Цзисы, ныне использование принципа *«таогуан янхуэй»* должно носить более избирательный характер. Он по-прежнему может играть руководящую роль в выстраивании отношений с США, но вряд ли эту стратегию следует применять к отношениям Китая с Индией. В целом же, по мнению Ван Цзисы, Китаю надлежит впредь придерживаться не буквы, а «духа» данной формулы Дэн Сяопина⁴⁸.

* * *

Дискуссию в КНР об актуальности и подлинном смысле внешнеполитических заветов Дэн Сяопина нельзя считать некоей схоластической абстракцией. Напротив, она имеет важное практическое значение, будучи составной частью сложного и достаточно длительного процесса адаптации внешней политики Китая к усилению собственных позиций в мире и к меняющейся международной обстановке. Столкнувшись с преимущественно негативной реакцией, прежде всего США и части соседского окружения, на его более активную и напористую, чем ранее, внешнюю политику в период 2009–2010 гг., Пекин рефлекторно попытался вернуться к сослужившему ему добрую службу прежнему образу субъекта международных отношений, не претендующего на лидерство где бы то ни было.

Судя по всему, определенные просчеты были допущены и в оценке изменения соотношения сил в мире, когда Америку явно поспешили зачислить в «слабеющие державы». Именно в данном контексте, видимо, следует воспринимать стремление придать «второе дыхание» внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина, в какой-то мере поощрявшееся китайским руководством в 2009–2011 гг.

Похоже, однако, что исторический ресурс «магической формулы» Дэн Сяопина из 28 иероглифов как комплексного единого целого близок к исчерпанию. Складывается устойчивое ощущение, что дискуссия 2009–2011 гг. носила арьергардный характер и что период доминирования заветов Дэн Сяопина как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается. Формула Дэна из 28 иероглифов, равно как и ее сердцевина — принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», выполнили свою изначальную защитно-ограничительную миссию, помогли Китаю сосредоточиться на собственной модернизации и обеспечить благоприятствующую ей внешнюю среду. Сегодня внешняя политика Китая «находится в новом исходном пункте» (по выражению министра иностранных дел КНР Ян Цзечи), вступает в новый этап.

На протяжении трех десятилетий, которые можно считать «эпохой Дэна Сяопина во внешней политике страны» (1978–2008 гг.), Китай, по выражению профессора Е Цзычэна из Пекинского университета, решал задачу «менять себя, адаптироваться к внешнему миру». Теперь одной только адаптации недостаточно. Отныне Китай, продолжая изменять себя, будет стремиться «влиять на мир». Это диктуется как новым статусом страны в мире и изменениями в международной обстановке, так и текущими и долгосрочными интересами КНР. Возросшая мощь и внутренние достижения страны позволяют переходить к более широкой и глубокой внешней политике, ставить перед ней более масштабные задачи⁴⁹. Как полагает профессор Школы международных отношений Пекинского университета Ван Ичжоу, Китаю предстоит перейти от «некоторых действий» (*«юсо цзовэй»*) к «активным действиям» (*«цзицзи цзовэй»*), стать строителем и «если не руководителем, то важным участником международной системы, имеющим свои взгляды и предложения по большинству международных проблем»⁵⁰.

С соблюдением приличествующего в подобных случаях пиетета и церемониала наступающий новый этап внешней политики Китая характеризуется как «продолжение этапа Дэн Сяопина»⁵¹. Вполне вероятно, что отдельные компоненты заветов Дэна будут и далее достаточно часто употребляться и в дипломатии, и в пропаганде, особенно такие, как «хладнокровно наблюдать», «уметь защищать собственные взгляды» — они, пожалуй, справедливы в любое время для любой страны. Однако, как представляется, даже в случае сохранения в арсенале внешней политики КНР формальной приверженности заветам Дэн Сяопина сами они будут наполняться все новым и новым, отличным от первоначального, содержанием, более адекватным современным международным реалиям и статусу КНР в мире.

1. Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов, как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой. (Цзян Цзэминь. Лунь ю Чжунго тэсэ шэжуйчжуй. Пекин, 2002. С. 520). Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю.М. Галеновича. См.: Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Т. II—III. С. 473.
2. Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990–1999) [История международных отношений] / Отв. ред. Фан Ляньдин, Лю Цзиньчжи. Пекин, 2006. Т. 12. С. 545.
3. Се Исянь. Дандай Чжунго вайцзюо сысян ши [История дипломатической мысли современного Китая]. Кайфэн, 1999. С. 374.
4. Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань. Пекин, 1993. С. 319–320 [Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3]. В «Избранном» Дэн Сяопина, изданном в Пекине на русском языке под эгидой Бюро переводов при ЦК КПК, «вэньчжэу чэньцзюо» переведено как «Китаю самому приходится укреплять свои позиции» (Дэн Сяопин. Избранное. Том III (1982–1992). Пекин, 1994. С. 402).
5. Там же. С. 320.
6. Там же. С. 321. В русскоязычном издании «Избранного» Дэн Сяопина «чэньчжэу инфу» было переведено как «реакция должна быть сдержанной».
7. Дэн Сяопин. Избранное. (1982–1992). Пекин, 1994. Том III. С. 443 (на рус. яз.).
8. Там же. С. 456.
9. Чжунго вайцзюо юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития] / Ху Шусян (гл. ред.). Пекин, 2009. С. 62.
10. Например, формулировка в составе 24 иероглифов фигурирует в статье Лун Пинпина «Во всем исходить из интересов народа» в подборке статей журнала «Ляован», посвященных 90-летию КПК — Ляован. Пекин. 27.06.2011. С. 25.
11. Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси [Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая] / Лян Шоудэ (гл. ред.). Пекин, 2003. С. 312.
12. Ван Цзисы. Чжунго дэ гоцзи динвэй вэньти юй «таогуан яньхуэй, юсо цзовэй» дэ чжаньлюе сысян [Проблема международного позиционирования Китая и стратегический принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»]. // Чжунго вайцзюо. Пекин. 2011. № 7. С. 6. Бонни Глэйзер и Эван Медейрос называют конкретный источник, содержащий внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и пояснения к ним тогдашнего министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. Это сборник статей под редакцией Ван Тайпина «Исследование идей Дэн Сяопина в сфере дипломатии» [Дэн Сяопин вайцзюо сысян яньцзюо луньвэньцзю. Пекин, 1996]. — Bonnie Glaser and Evan Medeiros. The Changing Ecology of Foreign Policy-Making in China: The Ascension and Demise of the Theory of 'Peaceful Rise' // China Quarterly. London, No. 190. June 2007. P. 291–310, здесь — P. 305.
13. Се Исянь. Указ. соч. С. 386.
14. Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси / Лян Шоудэ (гл. ред.) С. 314–318.
15. Лян Шоудэ, Лю Вэньсян. Дэн Сяопин дэ гоцзи чжэньчжи лилунь [Теория международной политики Дэн Сяопина]. Наньцзин, 2003. С. 178.
16. Там же. С. 182.
17. Там же. С. 179.

18. Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990–1999). Пекин, 2006. С. 541–545.
19. Чжунго вайцзю юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзю / Ху Шусян (гл. ред.) С. 62–66.
20. Хуан Чжэньбай. Дэн Сяопин «таогуан янхуэй, юсо цзовэй» сысян дэ чжаньлюе ии. [Стратегическое значение идеи Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное»] // «Синь Чжунго вайцзю люши нянь [60 лет дипломатии нового Китая]. Пекин, 2010. С. 121–130.
21. Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзю (ди эр бань) [Современная дипломатия Китая. 2-е изд.]. Шанхай, 2009. С. 6–12.
22. Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China (2004). URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2004.pdf>, p. 9.
23. <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2005.pdf>; <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf>.
24. Zhu Weilie. On Diplomatic Strategy of “Keeping a Low Profile and Taking a Proactive Role When Feasible” // Global Review. Shanghai, 2010. Vol. 6, No. 3, May/June. P. 2.
В России близкий к американскому вариант перевода выражения «таогуан янхуэй» — «скрывать свои возможности, выигрывая время» — дан в работах М.В. Мамонова. См., например: «Система внешнеполитических приоритетов современного Китая» — глава 22 коллективной монографии «Современная мировая политика. Прикладной анализ» (под ред. А.Д. Богатурова). М., 2009. С. 415–437, здесь — С. 418. В то же время в монографии Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (М., Дипломат. акад. МИД России, 2006, С. 89–90) воспроизведен вариант перевода заветов Дэн Сяопина в сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой.
25. По свидетельству Чжу Вэйле, данную точку зрения высказал известный специалист по международным отношениям Китая Е Цзычэн в статье, опубликованной в журнале «Тайпинян сюебао» (Тихоокеанский вестник). 2002. № 1; Zhu Weilie. Op. cit. P. 2–3.
26. Xiong Guangkai. China's Diplomatic Strategy: Implication and Translation of “taoguang yanghui”. — International Strategic Studies, Beijing, 4th Issue, 2010. P. 1–2.
27. A Chinese-English Dictionary. Пекин, 1978. С. 668. Отметим, что перевод на русский язык, приведенный в известном китайско-русском «Шанхайском словаре», точнее передает смысл оригинала: «стремиться ничем не проявлять себя; замкнуться в себе и ничем не выделяться; держаться в тени». (Китайско-русский словарь. Пекин, 1989. С. 880). Словарь получил обиходное название «шанхайский», поскольку был подготовлен Шанхайским институтом иностранных языков.
28. Xiong Guangkai. Op. cit. P. 3–4.
29. Mierzejewski D. From Pragmatism to Morality. The Changing Rhetoric of Chinese Foreign Policy. Lecture in Denver University, February 2012. URL: <http://www.du.edu/korbel/china/forums/dominic.html>.
30. Zhu Weilie. Op. cit. P. 4.
31. Ян Вэньчан. «Таогуан янхуэй»: бода цзиншэнь. [«Держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»: широкий и глубокий смысл] // Гуанмин жибао. 2011. 7 нояб.
32. Ян Вэньчан. Цит. соч.; Zhu Weilie. Op. cit. P. 4.
33. Ян Вэньчан. Цит. соч.
34. Zhu Weilie. Op. cit. Pp. 10–11.
35. Bonnie Glaser and Evan Medeiros. Op. cit. P. 305.
36. Чжу Вэйле ссылается на статью Ван Юйшэна «Переосмысливая курс держаться в тени» в журнале «Хуаньцю» (2004. № 7) — Zhu Weilie. Op. cit. P. 3.
37. Zhu Liqun. China's Foreign Policy Debate. Institute for Security Studies // European Chaillot Papers. Sept. 2010. P. 51. Чжу Лицзюнь цитирует статью Гао Фэя в журнале «Тайпинян сюэбао» (2006, № 1).
38. Zhu Liqun. Op. cit. P. 51–52.
39. Kenneth Liberthal and Wang Jisi. Addressing U.S.—China Strategic Distrust. John Thornton China Center Monograph Series. Brookings, Washington. Number 4. March 2012. P. 8–9.
40. Kenneth Liberthal and Wang Jisi. Op. cit. P. X.
41. Ibid. Op. cit. P. 16.
42. Ян Вэньчан. Цит. соч.
43. Одно из немногих исключений — статья сотрудника Института США АОН Китая Юань Цзижуна «Китай должен восстановить «величие династий Хань и Тан» в сборнике статей из газеты

- «Хуаньцю шибао» «Дискуссии в Китае» — [Чжунго яо хуйфу «Хань Тан сюнфэн» — Чжэнбянь Чжунго («Хуаньцю шибао»)]. Шанхай, 2010. С. 194–195.
44. *Чжан Сяотун*. Ху Цзиньтао шидайгуань дэ Чжунго чжучжан [Позиция Китая в концепции современной эпохи Ху Цзиньтао]. Ляован, 2009. 23 нояб. С. 33.
45. *Ван Цзисы*. Цит. соч. С. 3–4.
46. *У Цзяньминь*. Цзайлай игэ хуаньцзин ши нянь [Размышления о международной обстановке для Китая на ближайшие 10 лет]. // Чжунго вайцзяо. 2011. № 9. С. 3–5.
47. *Ван Цуньбин*. Лунь чуаньцаосин цзяньчи «таогуан янхуэй, юсо цзовэй» [О творческом следовании курсом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»]. Чжунго вайцзяо. 2011. № 4. С. 3–8.
48. *Ван Цзисы*. Цит. соч. С. 6.
49. *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: да го вайцзяо цзин каоянь дэ и нянь [Внешняя политика Китая — 2011: год испытаний для дипломатии державы]. / Цинь Чаоинь (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцян гоцзи гонэй чжун дэ синши фэньси. 2010–2011 няньду баогао [Китай у колеса истории — анализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010–2011 годы]. Пекин, 2011. С. 119–120.
50. *Чжан Диюй*. Чжунго шифоу ин цзяцян цзежу гоцзи шиу — «чуаньцаосин цзежу» юй Чжунго вайцзяо пяньдуань [Должен ли Китай усилить вовлеченность в международные дела — «новаторская вовлеченность» и эпизоды из внешней политики Китая] // Шицзе чжиши. Пекин, 2012. № 2. С. 21.
51. Там же.